

НЕМАН

Василий Ширко: «Опорой в жизни для меня служит родной язык и любовь к родному краю»

Один из псевдонимов, которыми иной раз подписывает свои произведения Василий Ширко – Василь Живица.

Очень удачный, надо сказать, псевдоним. Василий Александрович человек с «живинкой», которую отмечаешь с первых же минут знакомства и общения. И эта особенность, или говоря модным нынче словом «харизма», счастливым образом остается на страницах его книг. Кажется, что и писать такому человеку очень легко – переноси на бумагу свою устную, впитанную с детства, и отшлифованную годами профессионализма белорусскую самобытную речь, да и все дела. Сам Василий Ширко считает, что журналистика «украла» у него неоправданно много времени, и что его многостаночность (а помимо публицистики, он заявил о себе как автор документальных повестей, пьес, сказок, романов) – его беда. Поэтому сейчас торопится работать в свое удовольствие. Убеждена, что и читатель, взяв в руки книги этого писателя, испытает радость от встречи с чудесным белорусским языком, захватывающими сюжетами, яркими образами героев.

Краткая справка: *Василий Ширко (Василь Живица, Алесь Багун).*

Лауреат Государственной премии Республики Беларусь, многочисленных литературных премий.

Автор книг «Земли отцовской притяжение», «Дорога через сердце», «Чуриловец пошел» «Дед Манюкин и внуки», «Его хлебов держава», «Шумы, лес, шуми», «Хай людзі бачаць», и др.

Член Союза писателей Беларуси, главный редактор журнала «Белая вежа».

– Василий Александрович, знаю, что вы очень гордитесь своей малой родиной. С чем это связано, чем ваша родина так замечательна?

– Родом я из деревни Чурилово, что на Узденщине. С нашей деревни известный писатель, лауреат Государственной премии Алесь Якимович. Когда меня в детстве спрашивали, кем хочу быть, я отвечал: «Якимовичем». Видно, наша деревня располагает к сказкам. У Якимовича есть такие чудесные сказки как «Каваль-Вернидуб», у меня тоже сказки – пожалуй, один из самых любимых жанров.

– А правда ли, что ваш отец знал десяток поэм наизусть?

– Не десяток. Он знал наизусть 20 поэм и около 200 стихотворений! У моего отца была уникальная память. Думаю, его можно было бы даже внести в Книгу рекордов Гиннеса. И все это он выучил до 16 лет. До войны не было ни радио, ни телевидения. И он учил часто на слух. На пластинке услышал «Энеиду» Ивана Котляревского на украинском языке, и со второго раза запомнил ее наизусть. Однажды он читал ее перед украинцами, и я видел, как они были поражены. «Главную улицу» Д. Бедного знал наизусть. Читал поэмы и стихи солдатам в окопах, читал заключенным в Освенциме, и после войны, будучи бригадиром строительной бригады, в свободное время ездил с концертами и читал. И читал он их так, что завидовали профессиональные артисты. Его даже записывало столичное телевидение. Я сам 11 лет работал на телевидении и всегда дико волновался. А он – никогда. Ни камеры ни боялся, ни аудитории. Кстати и у деда была хорошая память, он знал наизусть «Конька-Горбунка» Ершова. Я тоже на память не жалею. Хотя немного, но знаю наизусть из творчества около 100 поэтов.

– В одной из биографических справок я прочла, что после журфака вы работали в Москве и имели возможность там остаться. Как вы оказались в новопрестольной, и почему все-таки предпочли вернуться в Беларусь?

– За два месяца до защиты диплома на журфаке я загремел под фанфары в армию. Служил в Москве в строительном батальоне. Копал под Химками траншеи. Жара, тяжелая работа. Терпел, сжав зубы. И тут меня повышают до нормировщика. На этой должности я написал два очерка в газету Министерства обороны «На стройке». Их напечатали. Больше того, вскоре за мной приезжает черная «Волга» и меня забирают на работу в редакцию. Там понравились мои очерки. Писал много, и действительно была возможность остаться.

Но меня тянуло в Минск. Хотя позже, случилось, и жалел об этом шаге. Был бы, как минимум, со временем подполковником, в 45 ушел бы на пенсию и писал бы запоем романы, повести, сказки, а не поденщину.

– Считается, что журналистика портит литературный язык, и убивает в человеке подлинно творческую личность. А вы столько лет жизни отдали журналистике – причем работали не только в редакциях газет и журналов, но и на телевидении. Как вы «дорастили» себя до писателя?

– Марк Твен когда-то заметил, что «писатель может иметь любую профессию, кроме журналистики». Я, действительно, всю жизнь зарабатывал себе на жизнь журналистикой. И сегодня возглавляю литературно-художественный и общественно-публицистический журнал «Белая вежа» – орган союза писателей союзного государства. Мне это интересно, мы отбираем лучшие произведения российских (а в Союзе писателей России порядка 6 тысяч членов) и белорусских

авторов. Но это отнимает уйму времени. И я мечтаю о том времени, когда смогу уехать в свое Чурилово и с головой окунуться в творчество. Сейчас моя мечта – написать книгу наподобие гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки», только на нашем фольклоре, с белорусским духом, с живинкой. В планах – написать роман-сказку «Плытники». А еще хочется написать книгу о людях, которым я пожимал в своей жизни руку. Их много, и среди них такие замечательные как К. Крапива, П.Глебка, Я. Пархута, А. Якимович.

– **Согласны ли вы с мнением, что современная белорусская литература переживает глубокий кризис? С чем, на ваш взгляд, он связан в первую очередь?**

– Литература, действительно, переживает кризис. Но не писательский, а читательский. Моя книга «Дзед Манюкін і унукі» вышла в советские времена тиражом 52 тысячи экземпляров. Через 3 дня ее раскупили. Спустя 20 лет я написал продолжение этой сказки. Она была великолепно издана тиражом 2 тысячи, недорого стоила. Но потребовалось года 4, чтобы она разошлась! И это не сугубо белорусская проблема. Это общемировая тенденция. В Англии романы хороших писателей бросают в почтовые ящики бесплатно. А в России, что ситуация лучше? Эти иронические детективы, которые издаются большими тиражами – разве они имеют отношение к литературе? Спросите своих знакомых, кого из российских поэтов они знают. Ответят – Евтушенко, Вознесенского, Рождественского, А кого из молодых? Их никто не знает. А читательская аудитория в России не в пример нашей. И произведений достойных хватает. А тиражи настоящей литературы там тоже маленькие. Причина этого мирового читательского кризиса – Интернет.

– **И все-таки многие отмечают, что нашей литературе не хватает остроты, глубины, что произведения страдают бесконфликтностью, и это делает их неинтересными для современного читателя.**

– Да, отсутствие подлинного конфликта характерно для многих произведений. Если в произведениях Чергинца или Марчука есть противоборство, так их книги и вызывают отклик у читателей.

– **Но может быть проблема пропасти между белорусскими писателями и читателями еще в том, что многие белорусы плохо знают и практически совсем не читают на белорусском языке?**

– Нет, проблема не в белорусском языке. Был я в Пинск (а это русскоязычный город), и меня там пригласили в детский сад на встречу с детьми. И я начал рассказывать детворе свои сказки на белорусском языке. Причем сразу предупредил, что сказки страшные, и если кто боится, пусть сразу уйдет в другую комнату. Но дети оказались смелыми. И слушали меня целый час, буквально затаив дыхание. Значит, дело в том, что люди (и взрослая аудитория, и детская) просто не знают нашего творчества, а мы сами, к сожалению, просто не доносим его до них. Сегодня очень не хватает приключенческой, детской литературы.

– **Но писатели редко обладают еще и талантом менеджеров, которые бы проталкивали к читателю свои произведения. Не случайно же на Западе есть литературные агенты, и успех многих книг в современном мире, – это во многом заслуга именно литагентов.**

– Думаю, и у нас со временем появятся литературные агенты. Но важно, чтобы и подлинная литература осталась, чтобы проталкивали искусство, а не подменяли его образцами откровенной массовой культуры.

Ситуация сложнее для творческого человека стала в том смысле, что раньше за изданную книгу можно было купить «Жигули». А теперь, чтобы издаться, надо еще самому вложиться в выход книги. Да и негде особенно издаваться. А как можно принять в Союз писателей, если человеку нечего из своего творчества предьявить?

– **А чем, по-вашему, проверяется подлинная литература? Как отличить литературное сокровище от подделки?**

– Неискушенному читателю это сделать, конечно, непросто. Но если человек любит читать, он развивает некий внутренний камертон. Вспоминаю слова Золя о том, что «достаточно прочитать три страницы любого текста, чтобы сказать, литература перед вами или пыль». Я выступал на недавнем съезде писателей и говорил о том, что у нас развелось много графоманов. Некоторые из псевдописателей приносят больше 50 поэм. Да ни у Пушкина, ни у Байрона, ни у Купалы не было столько! А мы с белорусской толерантностью принимаем их в члены Союза писателей. Многие из этих борзописцев просто не понимают, что писать – это тоже профессия, которой учатся, которой овладевают, которая дается потом и кровью. Помогать и поддерживать надо истинных талантов, а бездарности, как известно, пробиваются сами, без посторонней помощи.

– **Трудно быть в Беларуси писателем?**

– Нет, совсем не трудно. Интересно. Пишешь смешное – сам смеешься. А иногда над вымыслом и всплакнешь. От встреч и общения с людьми светлее на душе становится. Какой труд доставляет еще столько положительных эмоций? Писатели очень долго обычно сохраняют молодость, если не внешнюю, так в душе. У моего земляка Кастуся Шавеля есть такие строки:

Калі грымяць вясновыя грамы,

Калі уторыць бор сыры,

Калі маланкавы зарад

У небе рвецца, як я рад

Быць сведкай гэтае пары,

*І маладзёю, хоць стары.
Які цудоуны край мой, дзе
Жыві сто год і маладзёй!*

– Что для вас, Василий Александрович, служит поддержкой и утешением в сложные периоды жизни, когда опускаются руки?

– Родной белорусский язык. А еще могу сказать о себе словами Сергея Есенина, что «лишь любовь к родному краю меня томила, мучила и жгла». Язык, любовь к родной земле, вера в завтрашний светлый день для Беларуси – вот мои самые главные ценности. Любого истинного белоруса не может не огорчать, что только 20 процентов наших детей обучается в белорусскоязычных школах. Каждый год закрываются десятки деревенских школ с белорусским языком преподавания. И все это сказывается не только на нашей национальной культуре. Вся жизнь, – и экономическая, и политическая, и социальная – исподволь зависит от этого факта. В той Беларуси, о которой я мечтаю, все будут любить и знать белорусский язык, любить и беречь наши леса, озера, реки, наши предания, легенды. И народ станет добрее, великодушнее.

– Справедливо ли называть белорусов «людзьмі на балоце»? Не чересчур ли мы «памяркоуныя», а иногда и откровенно «абыякавыя»? И что, на ваш взгляд, нас выгодно отличает как нацию, в чем наш «национальный» плюс?

– Своя горькая правда в том, что мы – «людзі на балоце», к сожалению, есть. Чересчур мы памяркоуныя. Знаете, анекдот про то, как ведут белоруса на казнь, он сначала такой грустный идет, а потом вдруг думает: «А, можа, так і трэба?» Но есть у нас и достоинства, среди которых, безусловно, – доброта. Добрее нас только, наверное, русские люди. Мой отец был в Освенциме, и рассказывал, что такой открытости и доброты, как у русских, не встречал ни у кого, они делились последним кусочком хлеба. А еще наши «плюсы» – гостеприимство, духовность, терпимость. Белорусы, возможно, единственный народ, который ни одну нацию не считает хуже и ниже себя. Когда мой брат привел жену-еврейку в дом, мама не только не возражала, а считала, что сыну повезло. И конечно, трудолюбие. Мама, вспоминаю, на минутку, кажется, не могла присесть, всегда была чем-то занята, да и отцу, и нам, детям, не давала бездельничать.

– А как вы относитесь к позиции тех людей, прежде всего молодых, которые стремятся уехать из Беларуси, обосновывая это тем, что в стране – проблемы со свободой, демократией, что здесь они не могут реализоваться, заработать на жизнь, обеспечить семью, детей, решить жилищную проблему?

– Трудный вопрос. У Евтушенко есть такие строки о происходящем в стране: «Сказать, что к лучшему – боюсь, сказать, что к худшему – опасно». Ситуация сегодня очень нестабильна во всем мире. Если человеку очень тесно в родных стенах, если хочется уехать, то пусть едет. Может, там получит профессию, приобретет опыт, заработает денег и со временем даже вернется и нас научит эффективнее работать, красивее и веселее жить. Ностальгия – не выдумка, и мало кому удастся ее преодолеть. Свобода и демократия не приходят в один день. И привычка говорить правду тоже не приобретается вмиг. Но каждому человеку надо стремиться жить честнее, достойнее, во всех отношениях красивее и лучше. Нам нечего страдать комплексом неполноценности.

Вот лично у меня его нет. Потому что я чувствую себя европейцем. И знаю многих соотечественников, которые не только не уступают по своим знаниям и культуре многим французам, англичанам и немцам, но еще их и превосходят. Мой одноклассник, доктор физико-математических наук Василий Берник читает лекции в Оксфорде, Гарварде, Франции, Пекине. Не его, а он учит европейцев и американцев.

– Насколько вам интересна политика и политики?

– Я не был членом коммунистической партии, не состою ни в каких из партий и сегодня. А о политиках могу сказать только, что те, кто не отстаивает интересы простого народа, мне не внушают никакого доверия. И нынешние российские миллионеры, которые метят в президенты, как политики кажутся мне абсолютно бесперспективными и не интересны по определению.

– Говорят, «Мужчины управляют миром. А кто управляет мужчинами? Женщины». Значит, миром управляют все-таки представительницы прекрасного пола?

– Я бы не согласился с этим. Но у нас в семье уже третий пес. Талер и Атос всегда ложились на кровать рядом с женой. Сразу определили, кто в доме главный, и этот порядок вещей не нарушали. Третьего, Рому, я спас от клеща. Возил в ветлечебницы на уколы, ночью, как малое дитя, на руках носил. И он ко мне привязался, конечно. Спит на полу, под утро приходит ко мне. Но все равно за последний год стал больше смотреть в сторону жены, караулит у дверей, когда она придет с работы. То есть собаки признали лидерство за женой. Хотя я далеко не подкаблучник, но должен признать: нами, мужчинами, управляют женщины. У нас командуют только мужчины маленького роста. Эти – Наполеоны, эти сохраняют замашки мачо. Остальные уже без женских команд, наверное, и растерялись бы в жизни. Но это в Беларуси наступает какой-то матриархат, а есть страны по-прежнему патриархальные. Вот недавно в Союзе писателей была делегация сирийских писателей, которых я сопровождал. И вот в ресторане один из гостей поинтересовался, сколько у меня детей. Отвечаю – «один сын». «А почему так мало, почему еще не заводите?» – спрашивает коллега из Сирии. Ну, так возраст же, говорю, уже, не молодой, и жене – 55 лет. И он так искренне удивился: «Да что за проблемы? Возьмите молодую супругу!» И еще. Дольше живет тот, кто командует. Поэтому у нас женщины живут заметно дольше, чем мужчины? А в Грузии командуют мужчины, вот они и входят в сотню народов мира по числу долгожителей, а продолжительность жизни женщин у них меньше.

Ольга Поклонская

<http://www.litkritika.by/categories/pisateli/intervyu/924.html>